

Это не было пустой иллюзией. Начиная с Алкуина и до конца XII века можно было видеть, как от школы к школе распространяется литературная культура, восходящая к Священному Писанию и патристике, в основе которой лежит грамматика Римской им-

перии. Чтобы удовлетворить потребности обучения, необходимо было многократно увеличить число доступных произведений латинской литературы; достаточно просмотреть современное «Введение» к любому из этих произведений, чтобы установить, что дошедшие до нас рукописи чаще всего происходят из скриптория (*scriptorium***) какого-нибудь бенедиктинского монастыря IX— XII веков. Это верно в отношении не только Вергилия и Цицерона, но и таких далеко не христианских произведений, как «О природе вещей» Лукреция, или столь же назидательных, как поэмы Овидия. М. Манитий пишет: «Собрание докарولينгских рукописей классиков ничтожно по сравнению с собранием, которым мы обязаны деятельности переписчиков и критиков VIII—IX веков». Правда, нас убеждают в том, что средневековые монахи переписывали книги, но не ценили их должным образом. Каждая эпоха на свой лад понимает античность, и средние века поняли ее по-своему. Тогда, как и сегодня, были эрудиты и невежды, а среди эрудитов — глупцы и педанты, но, несомненно, было достаточно светлых умов, чтобы настоящее изучение литературы не прекращалось и его традиции дошли до нас. В древнем сочинении «Жизнь блаженного Флакка Алкуина» («*Beati Flacci Alcuini vita*») рассказывается, что юный Алкуин предпочитал Вергилия псалмам (*Virgilii amplius quam psalmodium amator*) и отказывался выйти из кельи, где тайком читал «Энеиду», чтобы присутствовать на ночном богослужении (*Patrologiae cursus completus. Series latina, 1.100, col. 91—92*). Когда Алкуин станет учителем, он запретит в своей школе чтение Вергилия. В ту пору он уже минует возраст любви Энея и Дидоны, но в этот возраст вступят другие. Мы знаем, что, невзирая на это запрещение, учитель Сигульф в своей келье втайне (*secretissime*) изъяснял произведения Вергилия двум ученикам в пику Алкуину, который со злостью называл его «вер-гильянецом»: «Откуда ты взялся, вергилья-нец?» («*Unde te habemus, Virgiliane?*»). Бед-

148 Глава III. Каролингский расцвет: X век

ный Сигульф покался в своей глупости, но Алкуин обращает тот же упрек к своему бывшему ученику Ригбоду, епископу Трира, который не писал ему целый год: «Какой грех совершил отец, что его забыл сын? Или учитель, что им пренебрегает ученик?.. Может быть, любовь к Вергилию стерла всякое воспоминание обо мне? Ах, если бы меня звали Вергилием! Тогда я бы постоянно был у тебя перед глазами, ты бы подолгу исследовал каждое мое слово и, как говорит пословица, *tunc felix nimirum, quo non felicior ulius**. Но Алкуин удалился, явился Вергилий, и Марон устроился на месте учителя... Я хотел бы, чтобы твое сердце наполняли Четыре Евангелия, а не двенадцать книг «Энеиды». Не нужно смешивать официальное отношение представителя Церкви к классикам с его личным отношением к ним как читателя. Впрочем, запреты, подобные запрету Алкуина, показывают, что он сам читал римлян в юности, даже если бы дошедшие до нас его латинские стихи не оставили нам неопровержимого свидетельства этого. Алкуин был посредственным поэтом, но он «делал латинские стихи» и делал их, как очень многие вплоть до наших дней, из обрывков классиков. «*Est locus undoso circumdatus undique ponto*** и «*At pater ille pius**** или «*Illos Aonio docuit concinnere cantu*****» суть формулы, достаточно красноречиво свидетельствующие о приемах Алкуина, самого посредственного из латинистов. «*Locus circumdatus*» — это Йорк, а «*pater ille pius*» — не Эней, а Эгберт, и именно Эгберт, а не Аполлон обучает своих учеников пению. Бог именуется «Громовержцем» («*Tonans*»), блаженные — «обитателями Олимпа» («*cives Olympi*») или «божественным родом Громовержца» («*gens diva Tonantis*»). Вся эта мифологическая мишура в средние века была привычной; в ней не следует видеть что-то